

Раздел 1. ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ Э. В. ИЛЬЕНКОВА О ФЕНОМЕНЕ ИДЕАЛЬНОГО ДЛЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 124.43:1(091) (470+571)

С. З. Гончаров

S. Z. Goncharov

Теория Э. В. Ильенкова об идеальном – революция в философии

The concept of the ideal by E. V. Ilyenkov – a revolution in philosophy

Аннотация. Раскрыты культурообразующая ценность идеальности, направляющая и регулятивная функция идеального в общественном жизненном процессе; значение теории идеального, разработанной Э. В. Ильенковым, особенно для современной философии в условиях дерационализации общественного сознания. В недооценке роли идеального, мышления, сознания в функционировании социальных систем видится причина кризисных явлений в философии и культуре. Современная концептуальная война направлена на демонтаж идеального, всей культуры. Противостоять этому можно на основе дальнейшей конкретизации теории идеального.

Abstract. The article explores the culture forming value of ideality, the guiding and regulatory function of the ideal in the public life process, the significance of the concept of the ideal by E.V. Ilyenkov for modern philosophy especially in the conditions of derationalization of the public consciousness. According to the author the underestimation of the role of the ideal, thinking, and consciousness in the operation of social systems is caused by crisis phenomena in philosophy and culture. The modern conceptual war has the aim of disassembling the ideal and the whole culture. Further elaboration of the concept of the ideal makes it possible to resist that.

Ключевые слова: идеальное, мышление, общение, общественные отношения, функции идеального в общественном жизненном процессе.

Keywords: the ideal, thought, communication, social relations, functions of the ideal in the public life process.

Первые публикации Э. В. Ильенкова в начале 1960-х гг. задали высокий уровень в советской философии. Его работы о мышлении, о диалек-

тике абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении, об идеальном сегодня по праву отнесены к философской классике. В «Космологии духа» он заглянул в бездну мироздания и выдвинул такую гипотезу о роли разума в эволюции материи, о которой не додумался ни один фантаст. Сами собой возникали школы Ильенкова в Москве, Киеве, Ростове, Алма-Ате и в других городах страны. Работы Э. В. Ильенкова в области эстетики, искусства, педагогики, психологии, теории личности, теории марксизма востребованы сегодня.

Библиографический список публикаций Э. В. Ильенкова представлен в одной из его книг [11, с. 344–348]. Опубликованы интереснейшие дискуссии о наследии Э. В. Ильенкова под редакцией профессора Г. В. Лобастова [6, 7, 27], а также книга о жизни и деятельности Э. В. Ильенкова профессором С. Н. Мареевым, учеником и единомышленником философа [15].

Особенности философского творчества Э. В. Ильенкова

Почему Эвальд Васильевич посвятил свое творчество мышлению, причем движению мысли к содержанию конкретному, представляющему *существо самого предмета*? Вдумаемся в стиль его работ. За словесной оболочкой сразу предстает сам *предмет*. Ильенков обладал культурно развитым продуктивным воображением настолько, что вживался в предмет, чувствовал его пульсацию и созерцал его духовно. Поэтому столь естественно от строки к строке предмет раскрывается читателю новыми гранями и читатель сам захвачен предметом. Понять работы Ильенкова можно при условии понимания того *духовного акта*, каким он творил. Акт этот был *целостный*: Ильенков порождал предмет в воображении, освобождал его от случайных включений, а затем *духовно созерцал*, обозревал предмет, вплетал его в обширный контекст связей с другими вещами и лицами, помещал предмет в поле «общего дела», в сплетение важных жизненных вопросов этики, эстетики, политики, экономики, антропологии. Отсюда проистекали *очевидность*, удивительная *емкость* содержания текста, его злободневность и *смысловая прозрачность*. В трудах Ильенкова – не «термины», а согревающие душу и прозрачные по смыслу понятия и слова отличного русского языка. Тексты Ильенкова не спутаешь с текстами иных авторов. Ничего лишнего, сама суть дела, прожигающая душу читателя. Он ставил предмет наедине с читателем и вел, как путеводитель, по самым

важным дорогам понимания и предмета, и мышления, и жизни. Предметности мышления можно и нужно учиться как у Маркса, так и у Ильенкова, особенно в области идеального.

Его целостный мыслящий акт проявлялся не только в ясном *предметно-конкретном мышлении*, но и в целостности и полноте охвата проблем. Диалектическая мысль у него нерасторжима с *совестью* и удивительным даром созерцать *прекрасное*. Конкретность мышления проявлялась в раскрытии не только мышления, познания, но и целостной личности, феномена красоты, справедливой организации общего дела в стране.

Целостность мышления выражалась и в целостности творчества: философская диалектика, антропология, психология, этика, эстетика, искусствоведение, политология, история философии и др. – во всех этих областях он внес вклад. Он не занижал планку исследования, а взлетал все выше и выше в солнечные пространства прекрасных значений. Он парил в эфире таких значений; с их смысловой высоты обзирал эмпирию и оценивал по существу происходящее в стране и в философии. В письме в ЦК КПСС он объективно оценивал «положение в философии». Была в нем истинная *гражданственность*. Со своей пушкой, награжденный орденами и медалями, он дошел до Берлина и увековечен фотографией на вершине поверженного рейхстага [28]. Причастный своим ратным трудом к Великой Победе 1945 г., он, теоретик идеального, остался в истории философии несражаемым *Платоном марксизма*.

Нас, студентов и аспирантов, увлекала в первую очередь этика и эстетика его мысли. В его работах нет упрощений, пошлости рассудка, узколобой субъективности («что мне нравится, то и хорошо»), самодовольства и бессердечности, которые ныне, как эпидемия, охватили гуманитарное поле. Есть правда.

Эвальд Васильевич – цельная натура, его увлекало, судя по произведениям, такое содержание, которое гармонично соединяет в себе истину, добро и красоту и, как духовное солнце, светит лучами совершенства. Отблески такого совершенства сверкают в содержании его работ. О чем бы он ни писал, на всем солнечным зайчиком играл луч совершенства, примерно так же, как свет солнца мы улавливаем через облака.

Его статья «Идеальное» во 2-м томе философской энциклопедии 1962 г. стала «энциклопедической» истиной, методологической основой современной философии и психологии. Его прекрасные работы о продуктивном воображении, об искусстве доставляют духовное наслаждение.

Идеальное – основа понимания сознания вообще, его конкретных феноменов – науки, нравственности, искусства, религии, высших уровней духа, а также становления личности, развития ее творческих способностей.

Упомянутая статья об идеальном во всем блеске раскрыла жизненность той методологии, которую развил Карл Маркс в философии. Благодаря этой статье советская философия становилась духовно зрячей. Ильенков начал раскрывать *направляющую роль* идеального, разума, духа в социальных процессах. Дальнейшее развитие теории идеального Э. В. Ильенковым, вероятно, привело бы к *систематическому обновлению* самой *философской методологии*, т. е. к тому, что материализм обрел бы новую форму, столь необходимую в наше время. «Работы Э. В. Ильенкова потому и стали событием культурной жизни, – пишет Е. В. Мареева, – что марксизм в них предстал как *материализм нового типа*, который не противопоставляет материальное и идеальное, а исследует такие *формы материального бытия, которые чреватые идеальным*, т. е. предполагают его в качестве своего внутреннего момента» [28, с. 216]. Материалистическое понимание человеческой истории Э. В. Ильенков конкретизировал при помощи культурно-исторического подхода в понимании идеального, личности, психики человека, его способностей и тем самым сообщил материализму второе дыхание, облагородил его и открыл ему перспективу. Именно «в форме *культурно-исторической теории* марксизм стал продуктивно работать в области психологии, педагогики и т. д.» [28, с. 217].

В 1970-е гг. студенты зачитывали до дыр публикации Ильенкова, гонялись за ними. В конце 1980-х в Уральском государственном университете (Свердловск) состоялась встреча единомышленников Ильенкова со студентами философского факультета. Студенты выпустили многометровую газету об Ильенкове. Мы дали редкий материал: письма, фотографии Ильенкова. На встрече студенты ловили каждое слово об Э. В. Ильенкове и обратились затем в «Политиздат» с просьбой о переиздании его работы «Об идолах и идеалах». А через день от содержательной газеты не осталось и следа: по кусочкам студенты ее разобрали на память.

В конце 1980-х гг. московские товарищи привели меня в гости, как они выразились, к «интересному человеку». Они звали его Побийском. Побийск оказался человеком лет 45, необычайно подвижным, энергичным. Он был видным специалистом в области ракетно-космического дела, вел закрытые научно-исследовательские работы. Я спросил его, что он думает об Ильенкове. Побийск бросил на меня удивленный взгляд, выскочил в со-

седнюю комнату, вернулся и бросил на стол книгу Э. В. Ильенкова «Диалектическая логика» со словами «Вот – моя библия! Эту книгу я помню от первой до последней строчки». Я слегка ухмыльнулся. Тогда он стал цитировать. Я не удержался, стал сверять с текстом. Все точно. Открыл ряд других страниц. Побийск помнил слово в слово. Он был, судя по его специальности, физиком. Но его суждения о мышлении, об идеях Ильенкова были на редкость глубокими и ясными.

Вот такой был рейтинг работ Ильенкова среди естествоиспытателей, и не только среди них. С большой теплотой отзывался о кружке Ильенкова Вадим Кожин, продолживший дело Ильенкова в области литературоведения и истории. Дело Ильенкова продолжают его идейные товарищи: Ж. М. Абдильдин, О. Ф. Иващук, Г. В. Лобастов, А. Д. Майданский, С. Н. Мареев, Е. В. Мареева, В. М. Межуев, Л. А. Науменко, А. Г. Новохатько, Н. К. Попадюк, А. А. Сорокин, А. К. Фролов (обозреватель «Советской России»), А. А. Хамидов, А. Н. Шими́на и многие другие – в философии, культурологии, экономике, политологии.

С начала 80-х гг. прошлого века проходят ежегодные международные Ильенковские чтения, организуемые философским обществом «Диалектика и культура» (председатель Г. В. Лобастов, Москва). Ширится зарубежный состав участников этих Чтений из Финляндии, Канады, Германии. Готовятся к изданию труды Э. В. Ильенкова в Великобритании. Ранее они были опубликованы в Италии, Польше и в других странах.

Можно предположить, что Э. В. Ильенков был человеком с религиозным настроем души. Религиозным не в смысле принадлежности к конфессии, а в смысле дара души парить в духовной реальности и служить верно и честно самым *лучшим* содержаниям, тому «великому прекрасному делу» (Аристотель), которое сообщает личности *масштаб, значение и горение сердца*. Таким делом для Э. В. Ильенкова была, на наш взгляд, теоретическая разработка социалистической перспективы, просторной для реализации *универсальных* возможностей человека.

Интересно сравнить творчество Э. В. Ильенкова и творчество Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Оба окончили Московский университет. Оба начали свое творчество с анализа наследия Гегеля, причем в одном направлении: Ильенков писал о диалектике абстрактного и конкретного, а Ильин защитил диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». У обоих был сходный духовный акт – *созерцающее*

разумное мышление, чем объяснимы полнота, разносторонность и конкретность их творчества в гуманитарных и социальных науках. Оба полагали культуру в качестве основы воспитания человека, его творческих сил и оценивали власть по ее отношению к культуре. Оба исходили из направляющего значения идеального (Э. В. Ильенков), духа (И. А. Ильин) в жизни людей. И, вероятно, поэтому предвидели будущее страны: Ильенков в 60-е гг. прошлого века осознавал первые сполохи будущей «перестройки», идейное перерождение фигурантов во власти и от идеологии, а Ильин в 1950 г. предсказывал распад СССР на 20 новых государств со своими границами, финансами, валютой, разведками и т. п. Их историческая прогностика объяснима: *если в идеальном закодирована социальность народа, то эрозия духовного гено типа народа так же уродует жизнеустройство общества, как деформация генной информации уродует живую клетку.*

В политических взглядах и философских основах они расходились *радикально*. Э. В. Ильенков – искренний коммунист и теоретик марксизма. И. А. Ильин – православный мыслитель и критик идей как К. Маркса, так и В. И. Ленина. Но оба – жемчужины отечественной философии. Ильенков – вершина марксистской философии XX в., Платон умного материализма; Ильин – вершина русской классической философии. Надо собирать жемчужины отечественной культуры. Оба достойны учреждения именных медалей за лучшие работы в области отечественной культуры. В Екатеринбурге воздвигнут памятник И. А. Ильину (Уральский институт бизнеса имени И. А. Ильина, ректор А. М. Миняйло). Наследие Э. В. Ильенкова тоже заслуживает увековечения имени философа памятником в Москве, где он жил и творил в Институте философии Академии наук СССР.

Вопрос о единстве и различиях в творчестве данных философов связан, конечно, не только с чисто теоретическим интересом, но, в конечном счете, с потребностью *синтеза* классической немецкой философии, включая философию К. Маркса, с отечественной философией. Важность такого синтеза проистекает из потребности решить *практическую* задачу – осуществить *преемственность* жизнеспособных основ социализма и советской власти с реальностью России XXI в.

Функция представительства как генетическая основа идеального

Для современной философии в условиях *дерационализации* общественного сознания важна теория идеального, разработанная Э. В. Ильенковым и наиболее полно изложенная в его рукописи, впервые изданной

в 2009 г. [8, с. 6–62]. «Ядро» творчества Э. В. Ильенкова, как отмечает Е. В. Мареева, «это *концепция идеального*. В ней наиболее явно выразился “ренессанс” марксистской философии, в русле которого и возникла так называемая “школа Ильенкова”. В концепции идеального Ильенкова сходятся в единство другие аспекты его творчества. Здесь исток его нового прочтения философской классики. И здесь, наверное, вход в “школу Ильенкова”. <...> И путь к Ильенкову связан с признанием парадокса, смысл которого в том, что, что марксизм – это такой материализм, который считает сутью человеческой жизни *идеальное*» [28, с. 216].

Идеальное возникает в *процессах производства людьми собственной жизни при посредстве общения и общественных отношений*. Феномен идеального является *родовым* по отношению к сознанию, самосознанию, духу, ко всем формам общественного сознания.

Таинственность идеального (как и формы стоимости) заключена в его функции *представительства*. Быть идеальным значит быть представленным в общественном жизненном процессе, такова единомышленная позиция Г. В. Ф. Гегеля, К. Маркса и Э. В. Ильенкова. «Вот это-то отношение *представления* (отношение репрезентации), – пишет Э. В. Ильенков, отношение, в составе которого одна чувственно воспринимаемая вещь, оставаясь самой собою, исполняет роль или функцию представителя совсем другой вещи, а еще точнее – всеобщей природы этой другой вещи, т. е. чего-то “другого”, чувственно-телесно вовсе на нее не похожего, и тем самым обретает новый план существования, – вот это-то отношение и обрело в гегелевской терминологической традиции титул “идеальности”» [9, с. 46].

Например, К. Маркс отмечает, что стоимостная форма товара есть «нечто отличное от чувственно воспринимаемой формы, следовательно, форма лишь идеальная» [16, с. 105], т. е. представленная. Например, стоимость холста, пшеницы и других товаров выражена в золоте. Золото в функции денег представляет собой стоимость того или иного товара вне данного товара. Стоимость товара, выраженная в деньгах (в золоте), существует *не в голове товаровладельца*, как полагают многие оппоненты Ильенкова, а именно в золоте как *особом товаре*. Именно *потому, что золото представляет в товарообмене стоимости всех иных товаров, в голове индивидов стоимость тоже отмечена в виде представления*. Но не наоборот. К. Маркс пишет: «Товары, существующие как потребительные стоимости, создают себе прежде всего форму, в которой они идеально выступают по

отношению друг к другу как меновые стоимости, как определенные количества овеществленного *всеобщего* рабочего времени» [17, с. 49–50], как продукты «чувственно-сверхчувственные», т. е. чувственные как потребительные стоимости и сверхчувственные в виде их цен. Товарообмен, как и иные формы общения и общественные отношения, с необходимостью включает в свое функционирование идеальный компонент.

Поэтому идеальная реальность намного «шире» сознания. Идеальное может функционировать, *не будучи осознанным*. Индивиды обменивали товары, не осознавая процесса представительства, тем не менее, как отмечал Маркс, «они это делали». Не идеальность есть аспект «сознательно-волевой сферы», замечает Э. В. Ильенков, а как раз наоборот, «сознательно-волевой характер человеческой психики есть форма проявления... идеального... плана отношений человека к природе» [9, с. 73].

То, что стоимость обретает две формы выражения (относительную и эквивалентную), не является чем-то необычным.

О том, что Маркс на основе относительной и эквивалентной форм выражения стоимости открыл закон действий мыслящего человека, свидетельствует формирование в практике людей тех или иных мер. Рассмотрим образование всеобщего эквивалента длительности. (Тем более, что вокруг времени возникла целая мифология о его однонаправленности, необратимости, загадочности вообще.)

Длительность есть свойство движения. Но ни одно *отдельное движение* не дает возможности воспринять длительность как таковую. Длительность и отдельное движение сращены в созерцании. Чтобы зафиксировать длительность в чистом виде, люди на разных широтах и меридианах поступали *одинаково*, тоже различая относительную и эквивалентную формы выражения длительности. Они приравнивали *длительность* двух отдельных и обязательно *различных* движений: *движение А = движение Б*. Первое движение находится в *относительной форме* выражения своей длительности, а второе движение – в эквивалентной форме. В пределах уравнения движение А выражает свою длительность через движение Б, которое есть лишь *материал* для такого выражения и свою *длительность не выражает*. В уравнении движение Б не представляет ничего, кроме *длительности движения А*. Длительность получила две формы выражения: относительную (т. е. по отношению к движению Б) и эквивалентную, измеряемую и измеряющую.

В данном уравнении было достигнуто отличие длительности от всех других свойств движения А. Это *единичная* форма выражения длительности.

Если выразить длительность движения А во *многих* отдельных и различных движениях (движение А = движение Б = движение В и т. д.), то основа для уравнивания *многих* движений станет в *большей мере ясной* для понимания. Это *особенная форма выражения длительности* во многих различных ее эквивалентах. Такими эквивалентами у разных народов были разные движения.

Если же длительность многих движений выразить единообразно, в одном из движений, например, в движении Б, тогда движение Б выступит в роли *всеобщего эквивалента длительности* – в роли *часов*, которые закрепляются в общении как *общепризнанная, общественно необходимая и единая* мера длительности вообще.

В равномерном круговом движении стрелки часов длительность *всех* возможных процессов получает *единое и однородное выражение*. При этом конкретное движение стрелки часов воспринимается как *длительность вообще!* Конкретное движение теперь представляет собой свою противоположность – *однородную длительность*. Для удобства и простоты остается выбрать тот или иной конкретный вид движения в качестве часов. Здесь *всеобщая форма* длительности возникает не путем отвлечения только в мысли, не как абстракция, существующая лишь в сознании; в процедуре реальных действий всеобщая форма выражения длительности отделена от частных форм проявления и через механизм *представительства* зафиксирована вполне предметно в отдельном движении (часах) как таковое. *Длительность всех процессов, выраженная во всеобщем едином эквиваленте (часах) длительности, есть время.*

Длительность не тождественна времени. Отношение длительности ко времени подобно отношению *стоимости к цене* товара. Цена есть стоимость одного товара, измеренная стоимостью другого товара (деньгами). Цена представляет собой измеренную, *рефлектированную, отраженную во внутрь себя* стоимость. *Время есть длительность одного движения, измеренная длительностью другого движения, выступающего в роли часов.* Время представляет длительность идеально через часы и в сознании предстает как однородное и идеальное.

Восхождение от единичного (Е) к особенному и к всеобщему (В) эквиваленту длительности сменилось *диктатом всеобщей меры (часы)* для всех социальных действий людей. Всеобщее стало исходным пунктом в практике: $V \rightarrow E$.

Отличие длительности от времени ясно зафиксировано в истории философии. «Чтобы определить длительность данной вещи, – писал Б. Спиноза, – мы сравниваем ее с длительностью вещей, имеющих... определенное движение, и это *сравнение* называется *временем*» [26, с. 278].

Время есть отображение одного изменения в другом, способ явлений акциденций друг другу. Эпикур и Лукреций тоже понимали время как отраженное внутри себя изменение [19, с. 188].

Время служит *количественным* выражением длительности движения и *не имеет в принципе направления*. В физике время – *скалярная*, а не *векторная* величина! Величина «5 минут» не векторная, не направленная. Ведь если направление *одно*, то это равнозначно *отсутствию направления* вообще. Весьма спорно толкование «необратимости времени». *Процессы* бывают необратимыми: спичка горела и сгорела, остался пепел. В чем тут проблема? *Мифология* времени связана, вероятно, с его отождествлением с длительностью.

Необратимо не время, а *реальные процессы*, например младенчество и зрелый возраст, возникновение Солнечной системы и ее угасание. «Проходит не время, – замечает Кант, – а существование изменчивого во времени» [13, с. 225]. Вопреки мнению о «стреле времени» и о его необратимости страна ежегодно переводила стрелки на один час.

Длительность, как и стоимость, получает единичную, затем особенную и, наконец, всеобщую формы выражения. За развитием этих форм скрываются, очевидно, социальные *коммуникативные* процессы. Местные общности могли избирать тот или иной эквивалент длительности. Межплеменное, а затем международное общение (социальный обмен в виде торговли и технического сотрудничества) сводит особенные эквиваленты длительности ко всеобщей форме. Возникают *единая* мера длительности и единое темпоральное мышление.

Длительность движения стрелки часов становится не только реальной, но и *идеальной* мерой. Такая идеальная мера («счетное время») теперь организует всю внешнюю активность людей – их деятельность и общение, она регламентирует производство, все социальные и политические процессы. Возникнув из частных, особенных процессов, идеальная мера длительности становится исходным *пунктом*, *запускающим* все социальные процессы, включая предвидение, прогнозирование и планирование общественного жизненного процесса. Восхождение от единичного к особенному

и к всеобщему эквиваленту длительности сменилось диктатом всеобщей меры (часы) для всех социальных действий людей.

Функция представительства – генетически исходное действие мышления; она является важнейшим фактором в процессе становления тех *всеобщих мер, всеобщих эквивалентов*, которые возникают в ходе исторической практики людей, будь то всеобщие эквиваленты стоимости, энергии, длительности или сами логические категории как всеобщие формы мышления. Способ образования таких мер идентичен. За всеобщностью мер скрывается, конечно, социальная *коммуникативность*, социальный обмен, который с необходимостью порождает и всеобщие меры. Меры (мыслительные, стоимостные и др.) с расширением социального обмена развиваются от единичной формы к особенной и до всеобщей.

Почему *функция представительства имманентна мышлению и в чем она состоит*? Мышление есть идеальное воссоздание внутренней формы предмета. Форму предмета надо *отделить* от самого предмета. Для этого ее необходимо выразить обязательно в *другом* материале и приравнять два ее *различных* состояния друг к другу. *Различие* материала подчеркивает *тождество* формы, выраженной в разном материале. В левой части такого уравнения форма представлена в своем непосредственном субстрате, в правой – в нейтральном для себя материале; поэтому она осознается в своей определенности. Тем самым достигнуто отличие формы от эмпирической материи. Рассмотрим в деталях отделение формы от материи (материала) в реальных процессах фиксации количества – как материальная мера превращается в идеальную – на примере образования всеобщего количественного эквивалента – числа.

Приравнивая множество овец к определенному количеству камешков, человек (например, пастух) помещал в одной части уравнения качество в единстве с количеством (овцы), в другой – то же количество, но в *ином материале*: овцы = камешки. Тем самым количество *отделялось* от своего непосредственного качества и фиксировалось *отдельно* в *другом* предмете! «Абстрактность математических объектов в действительности, – отмечал Л. К. Науменко, – опирается на практическую *отделимость*... количественной стороны вещи от самой вещи и на ее самостоятельное предметное существование в этой отделенности» [25, с. 198]. В этом суждении Л. К. Науменко содержится продуманная и основательная концепция природы математики.

В пределах уравнения камешки находятся в эквивалентной форме: отражают исключительно *количество* и служат формой его проявления так же, как в стоимостном отношении холста к сюртуку сюртук представляет собой стоимость холста *вне холста, в другом материале*. Натуральные свойства камешков – лишь средство *представлять* собой *количество* *другого* предмета, и сами по себе эти свойства не имеют ни малейшего значения. Поэтому камешки можно заменить зарубками, точками, но так, чтобы всякий раз сохранялось *тождество по количеству и различие по качеству*. Иначе неясно, что здесь выражается.

Камешки, представляя количество другого предмета, приобретают *символическое бытие (значение)* в противоположность своей натуральности, как бы, по словам Гегеля, «светятся формой другого предмета». Такое «свечение» одного предмета в другом Гегель раскрыл в учении о сущности. Функция представительства ведет ко все большей «дематериализации» предмета, выступающего в роли представителя, количественного эквивалента. Заключение в нем противоречие между бытием *натуральным и функционально-символическим* разрешается тем, что символическое бытие *полностью* отделяется от натурального и переносится из поля внешнего созерцания, где имелся *предмет-символ*, во внутренний план сознания, где количество представлено теперь в деятельной форме – как число.

Предмет-символ (камешки) представлял количество другого предмета через свою количественную определенность, которой он обладал *реально*, в виде *дискретных частей пространства*. Число же не имеет протяженности! На каком же основании оно выступает эквивалентом количества иных предметов? Ведь число может быть *единым и всеобщим* эквивалентом количества, если оно содержит *реальное количество*, которое тоже *однородно* для каждого субъекта. Только так и не иначе! Здесь настоящая загадка.

Число представляет количество любого предмета в виде *дискретных частей однородного времени!* Субъект всякий раз порождает эти дискретные единицы однородного времени в акте *однородной* деятельности (апперцепции)! С перенесением количественного эквивалента в сознание *материальность* предмета-символа теряет всякое значение и редуцируется до знака (цифры): количество овец = 10.

Однородная деятельность апперцепции сама по себе *никакой идеальностью не обладает*. Но как только дискретные части времени, порожденные деятельностью, выступают в роли *представителя* количества иных

предметов, *сразу же возникает феномен идеального*. Он возникает из функции *представительства* и дан сознанию как *значение*.

Овцы, камешки и пастух – вполне телесные. Из телесных действий пастуха, тем не менее, без особой мистики возникает с необходимостью *идеальный* предмет – число.

В нашем примере камешки выражали количество в единичной форме: было установлено отличие количества от качества *одного* предмета (овец). Развитие формы количества порождает *всеобщий количественный эквивалент – число*, в котором количество противопоставлено *качеству вообще* и выражено *единообразно*. «Число, – отмечал Энгельс, – есть чистейшее количественное определение, какое мы только знаем» [29, с. 224]. С возникновением числа изменяется и воззрение на предметную реальность: она расчленяется на строгие количественные отношения. Происходит «оборачивание метода» (К. Маркс): число, рожденное из чувственно-конкретных операций, теперь организует эти операции и становится «объективно-мыслительной формой», *всеобщей, общественно признаваемой* идеальной мерой количества чего угодно, будь то овцы, вишни или деньги в банке, функционирующие как «счетные» деньги.

Итак, предмет сам по себе есть единство качества и количества. Чтобы отделить количество от качества, нужно количество выразить в *другом* материале. Скрытое в данном предмете различие между качеством и количеством получает внешнее выражение: в уравнении данный предмет выступает только со стороны качества, другой предмет – только со стороны количества, как количественный эквивалент. Единство качества и количества теперь представлено нераздельностью сторон уравнения.

Согласно С. А. Яновской, в реальной истории счет сначала производился «фактическим установлением равномоности» тех или иных множеств предметов. Число же возникло позднее с развитием мышления.

Отношение представленности присуще отношению «предмет = мыслящий человек». Мышление в его *общей* определенности есть исторически развивающаяся способность общественного человека воспроизводить предмет *идеально*, чтобы затем *изменять действительность согласно идеальному*. Идеальное есть «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [16, с. 21]. Предмет переносится в человеческую голову, очевидно, без материи, в аспекте *только формы, отношений, структуры*. Форму можно перенести с ее имманентного, естественного

субстрата на *нейтральный* для нее материал и преобразовать с сохранением *тождества* (в существенных пунктах) между формой материально-предметной (первичной) и формой вторичной, преобразованной. Форму, воссозданную на нейтральном для нее материале, можно освободить от случайного и представить в ее необходимости (инвариантном виде); более того, такую вторичную форму можно *усовершенствовать*, доразвить.

Таким универсальным нейтральным материалом выступает целенаправленная деятельность общественного человека. Локализованная в ней форма предмета существует вне самого предмета, на *нейтральном* для себя материале, поэтому она свободна от его *материальности*. Теперь форма одного предмета существует в *другом* «предмете» (в деятельности), который начинает *представлять* собой форму первого предмета, разумеется, *посредством человеческой головы*, хотя и без осознания самого отношения представленности. Идеальное существует в мышлении не как застывший портрет, а *процессуально*, как *способ* воссоздания формы вещи.

Механизм *представительства* позволяет отделить *форму вещи* от самой вещи и зафиксировать эту форму в материале *другой* вещи как такую. Поскольку в этой другой вещи важна именно *форма*, то материальный состав этой вещи важен постольку, поскольку он позволяет реализовать функцию *представительства*. *Сам по себе он не имеет особого значения*, будь то внешний предмет или психическая материя индивида.

«От структур мозга и языка идеальный образ отличается тем, что он – *форма внешнего предмета*. От внешнего же предмета идеальный образ отличается тем, что он опредмечен в органическом теле человека и в теле языка как субъективный образ» [10, с. 193]. Это на редкость точная формулировка идеального.

Идеальное представлено в психике в форме социально важных *значений*. Значение является таковым потому, что оно есть такое содержание, которое отсылает индивида к *другому предметному* содержанию. Значения составляют *материал* сознания. Сознание есть *система общих и социально важных значений* для *регуляции* совместной деятельности, общения, общественных отношений. Или, иначе, сознание есть психика, организованная идеальным. Идеальное относится к психике, как активная *общественная форма* соотносится с *природным материалом*.

Отношение *представленности* позволяет субъектам являть в материале своей психики, в знаках, символах, образах, вещах не свой психиче-

ский материал, не графику, не начертания, не природный материал, а нечто совершенно иное, отличное от материала психики и т. п., являть *внеспсихическую* реальность, которая находится за пределами не только их психики и тела, но и наличных событий, которые сами «лезут в глаза».

Сделаем предварительный вывод из изложенного. Функция представительства развилась не в голове, а с помощью головы в *социальных процессах*, в которых индивиды в актах общения и разделения труда превращались в *представителей* той или иной общности, тех или иных социально значимых функций. Практическое представительство индивидами *своих социальных статусов* друг другу сформировало способность *представления* и как *общеспсихическую способность замещать* реальные предметы их образами, и как способность мышления *представлять одним предметом особенности других предметов*. Предметы-символы (заместители иных предметов) освободились в дальнейшем от своей внешней материальной оболочки, переносились из поля внешнего восприятия в сознание как *значения*, которые, в свою очередь, в процессе специализации, разделения труда, духовного производства принимали различные формы: понятий, художественных, религиозных и других общественно важных образов, символов, вплоть до логических категорий.

Функция представительства явилась *«матерью»* такого общечеловеческого феномена, как идеальное [4, с. 12–58]. Вырастая из социальных коммуникативных процессов, функция представительства превратилась в отличительный для разумного существа способ работы психики. Сознание тем и занимается, что *удваивает* реальность, *замещая* ее общими, всеобщими, социально важными *значениями*. Если воображение, сознание являются атрибутами человека, то, следовательно, они необходимы для реализации социально важных функций. Социальные институты представительства пронизывают все сферы общества: выборы снизу вверх превратились в целую отрасль социального производства. Руководители представляют своей волей воли коллективов. Социальная функция представительства творится коллективно из века в век, закрепляется социальными технологиями и становится общей формой работы психики индивидов.

Необратимость идеального в жизнедеятельности человека

В отношении «материальное – идеальное» в ходе истории произошло «оборачивание метода» (К. Маркс). Поясним суть такого оборачивания. Символический дифференциальный коэффициент, как отмечал К. Маркс,

рождается из конкретных содержательно-алгебраических операций, но затем становится *«самостоятельным исходным пунктом, реальный эквивалент которого лишь должен быть найден»* [18, с. 55]. Этот коэффициент превращается в «стратагему действия» в поиске той или иной производной, и инициатива передвигается с содержательно-алгебраического полюса на «символический», операциональный. *Вторичное* (коэффициент) становится *первичным* исходным пунктом математических действий.

Точно так же частные случаи товарообмена рожают *единый, общепризнанный и всеобщий* представитель стоимостей всех товаров в виде *денег*. Если раньше деньги представляли стоимость товаров, то после все товары начинают представлять своими *ценами деньги*. Теперь вложение денег служит исходным пунктом запуска экономического процесса. Деньги из *вторичного* образования стали *первичными*.

Число тоже родилось из повседневных операций *измерения*: то, что служило *мерой* (средством измерения), превращается в *единицу*, а результат измерения – в *численность* такой единицы. Так родился *натуральный ряд чисел*, основа всех будущих разделов математики. Став всеобщим представителем количества любых качеств, число запускает все процессы между людьми.

То же произошло с идеальным в ходе истории. Идеальное, оформившись в частных формах труда, *общения, общественных отношений* в форме многообразных *значений* (форм мышления, идей, норм и т. д.), превратилось в *единый, общепризнанный и всеобщий представитель частных дел и форм общения*. Став *всеобщим представителем объективных процессов*, оно обретает новый статус – из вторичного, производного образования идеальные меры (логические, нравственные, правовые и др.) вдруг превращаются в *первичные регулятивные факторы, запускающие социальные процессы*.

Идеальное в виде значений так же опосредствует социальные процессы, как деньги опосредствуют собой экономические процессы. На основе идеального люди в их взаимных отношениях проектируют, направляют, оценивают и корректируют общественный жизненный процесс. Любое дело начинается теперь с идеи дела, с замысла. В этом состоит *специфика* жизнедеятельности человека, что первым отметил, хотя и в мистифицированном виде, Платон, полагая первичными идеи, эйдосы. «Без постоянно возобновляющейся идеализации реальных предметов человеческой жизнедеятельности, – писал Э. В. Ильенков, – без превращения их в иде-

альное... человек вообще не может быть деятельным субъектом общественного производства» [10, с. 201–202]. И этот *регулятивный процесс, присущий идеальному, необратим.*

Значение идеального в общественном жизненном процессе

Идеальное *технологически необходимо* для регуляции искусственных органов человеческой практики – как по отношению к природе (*техника материальная*), так и по отношению людей друг к другу (*социальные институты*). Функционирование этих органов общественной практики опосредствуется идеальным с такой же необходимостью, с какой психика обслуживает функционирование естественного тела живого существа.

В отличие от биологических органов, искусственные органы общественного человека (начиная с орудий и кончая государством) включают в свое функционирование процессы отражения, конструирования идеальных предметов, корректировки, предвидения и прогнозирования, планирования *на уровне идеально-опосредствующей деятельности мышления и сознания*; такие органы функционируют при условии, что их «работающие» свойства представлены в голове в форме сознательных отображений – знаний.

Если машины, локомотив, телеграф и т. п., по замечанию Маркса, это внешние, «созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания» [21, с. 215], то мышление, сознание суть *внутренние технологически необходимые идеальные* факторы функционирования внешних искусственных органов общественной практики. Мозг из физиологической части организма превращается в орган мыслящего человека тогда, когда сам человек включен в процессы труда и общественных отношений.

В философии следует в полной мере учитывать не только *процесс превращения материального в идеальное* (действительности в мысль), но и обратный процесс – *превращение идеального в материальное, мысли в действительность*. Недостаточное понимание последнего обстоятельства привело к *кризису упрощенного материализма* (диамата) в XX в. Кризис заключается в *недооценке роли идеального, мышления, сознания в функционировании социальных систем*.

Ныне наиболее значимым в понимании идеального является его *предметная значимость, отнесенность к предмету*, что игнорируется в *постмодернистских* причудливых построениях. Если в *мышлении идеально* представлено содержание общественной практики, то содержание

практики *реально* представляет собой людям *содержание их собственного мышления*. Это типичное *взаимно-рефлексивное* реальное соотношение, суть которого состоит в функции взаимного *представительства*. «Такие соотносительные определения, – отмечал К. Маркс, – нечто весьма своеобразное. Например, этот человек – король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем они думают наоборот, что они – подданные потому, что он король» [16, с. 67].

Э. В. Ильенков особо отмечал взаимное представительство идеального и реального. «Идеальная форма – это форма вещи, но вне вещи. А именно в человеке, в виде формы его активной жизнедеятельности, в виде цели и потребности. Или, наоборот, это форма активной жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в виде формы созданной им вещи» [9, с. 75]. Идеальность «сама по себе только и существует в постоянной смене двух форм своего «внешнего воплощения», не совпадая ни с одной из них, взятой порознь. Она существует только через непрекращающийся процесс превращения формы деятельности в форму вещи и обратно – формы вещи в форму деятельности... Попробуйте отождествить “идеальное” с одной из этих двух форм его непосредственного существования, и его уже нет. Осталось одно лишь “вещественное”, вполне материальное тело и телесное же отправление этого тела» [9, с. 75–76]. Такая реальная рефлексия идеального и реального упускалась в домарксовском материализме: при анализе модификаций идеального упускался ее реальный эквивалент, а при рассмотрении реальных процессов в обществе игнорировалось идеальное. Поэтому происходило смешение природного и внеприродного, социального, подмена одного другим, что было предметом неустанной критики Э. В. Ильенкова.

В рамках *взаимного представительства* идеального и социальной реальности положение Э. В. Ильенкова о тождестве бытия и мышления представляется вполне корректным. Аварии тогда и происходят, когда идеальное не властвует над материально-практическими процессами.

Не менее важным предстает положение Э. В. Ильенкова о *всеобщих* формах идеального в отличие от тех «вихрей» повседневности, которые проносятся в психике индивида. Э. В. Ильенков настаивал на *сверхприродной объективности* и *всеобщности* идеальных форм потому, что такие формы направляют, регулируют и организуют функционирование именно *общих, общественных* процессов. В идеальных формах *всеобщим*,

концентрированным образом закодирована *социальность, общественность*. Походка, как остроумно заметил Э. В. Ильенков, осуществляется с помощью ног, но не существует в самих ногах. Точно так же идеальное осуществляется с помощью голов многих людей в актах совместной деятельности и общественных отношений. Например, бюджет страны, денежные счета граждан в банке, денежные банкноты, правовые нормы, государственные повеления, должностные ставки, права и обязанности, нравственные императивы и т. д. – все это – реальность с *объективно-мыслительным, социально значимым статусом*; она содержит идеальное.

Именно общие, т. е. общественные, отношения порождают с необходимостью всеобщие значения в сознании. Всеобщность значений – это выражение общественности человека. Чтобы войти в общество, необходимо в первую очередь усвоить такие значения. Нельзя верно понять феномен идеального без полного учета того, что идеальное есть иная форма функционирования общественного.

К. Маркс отмечал, что социальные системы *рефлектированы* внутрь себя, т. е. включают в свое функционирование собственные «самоотображения» в виде *системы значений*, которые исполняют *регулятивную* функцию. Рабочий выступает как «для-себя-сущий труд», а капиталист как «для-себя-сущий капитал» [20, с. 225, 256]; в капиталисте самовозрастающая стоимость «стала собственной волей, для-себя-бытием, сознающей себя самоцелью» [22, с. 14, 16]. Регулятивную функцию сознательных «самоотображений» Маркс раскрыл в соотношении базиса и надстройки, во взаимном представительстве *материального и идеального* в общественном жизненном процессе.

Специально отмечая необходимую включенность мышления, сознания в товарообмен, Маркс пишет, что товары сначала «мысленно и словесно» превращаются в бруски золота, прежде чем они обмениваются друг на друга; в реальном обмене «эта абстракция... должна быть... овеществлена, символизирована», здесь нужно материальное средство для «действительного *опосредствования*», им является монета «только как... материализованное мысленное представление, т. е. как символ» [21, с. 469]. Такой денежный символ «предполагает всеобщее признание; он может быть только общественным символом» [20, с. 83, 86], так как опосредствует *общение, общественные отношения*, где должна быть общая символика, которая абстрагируется от *индивидуальных* различий общающихся лиц. Не только

экономические, но и все иные социальные процессы предполагают общепризнанную символизацию и «мысленное сведение» эмпирических «этих индивидов» к их социальным ролям, статусам, полномочиям, правам и обязанностям (руководитель, нотариус, инженер, президент, глава администрации и т.п.).

Иронизируя над экономистами, оспаривающими определение стоимости рабочим временем на основании того, что труд различных индивидов не является одинаковым, К. Маркс пишет, что экономисты этого сорта «вообще еще не знают, чем человеческие общественные отношения отличаются от отношений между животными». В товарообмене, продолжает он, люди относятся к труду друг друга как к труду равному и всеобщему и в этой форме общественному. Конечно, «это является абстракцией так же, как и все человеческое мышление, и *общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают этой способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей*» (курсив наш. – С. Г.) [22, с. 249].

Общие, т. е. общественные, отношения принуждают мышление к общению, к общим схемам. Общение впечатывает в сознание общие значения локального порядка потому, что оно есть обмен содержанием субъективности конкретных индивидуальностей. Общественные отношения тем отличаются от общения, что их субъектами выступают представители *социальных групп* с их определенными ролями и статусами. Поэтому общественные отношения учат возводить частное содержание во всеобщие значения с большей эффективностью; они раздвигают горизонт сознания согласно своей общей природе.

Общение, общественные отношения суть реальная основа того, идеальной формой чего является общественное сознание. Всеобщность идеального – это выражение общественности индивидов. Если общественные отношения, социальные статусы и социальные институты нуждаются в системе *всеобщих значений*, закрепленных в сознании, то сознание людей находит в общении, общественных отношениях свою *реализацию и реальное существование, свою реальную опору.*

Более того, *социальное бытие человека возможно при условии признания данного человека, его статуса и значения в сознании других*, в общественном сознании, т. е. социальное бытие людей предполагает *признанность* такого бытия другими людьми, их сознанием. Этот *сверхчувст-*

венный умопостигаемый аспект социального бытия ощущает на себе каждый беженец из стран СНГ, добивающийся российского гражданства. Особенно остро данный аспект чувствует на себе свергнутый с поста президента Украины В. Янукович.

Быть социально – значит быть признанным! Поэтому первым социальным актом является *признание* (о чем писал Гегель в «Феноменологии духа»), будь то инициации в древности, получение гражданства, экзамены в школе или защита диссертации.

«Мое *всеобщее сознание* есть лишь *теоретическая форма* того, живой формой чего является *реальная* коллективность, общественная сущность» [23, с. 118]. *Живая общественность и всеобщность сознания – различные выражения единого процесса, предполагающие друг друга как реальное и идеальное (представленное).*

Без соответствующей символики и идеальных образов национальной культуры этносы распадаются и исчезают в истории, превращаются в блуждающие потоки населения. Ибо идеальное, сознание, дух есть *для-себя-бытие социальности.*

Таким образом, причиной того, что мышление воспроизводит реальность во *всеобщей форме*, является бытие человека как субъекта *общения и общественных отношений.* По этой же причине *функция представительства* выталкивает из *частных* эмпирических содержаний такое содержание, которое *всеобщим* образом представляет типы тех или иных отношений, которые мыслятся. Единые меры, будь то меры веса, времени или логические категории, нравственные и правовые нормы, обретают *единое и общепризнанное* выражение по мере *расширения* диапазона общения и общественных отношений, в которых такие меры функционируют в деятельности людей. «Выходит, – заключает К. Маркс, – что логические категории прямо вытекают из наших отношений» [24, с. 45]. «Категориальные формы, – утверждала Л. М. Косарева, – будучи по генезису формами социальных отношений, наполняются природным содержанием настолько, что социальный генезис этих форм утопает в натуральном теле физического закона» [14, с. 138]. Реальная общественная связь порождает с необходимостью «общественно значимые... объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного способа производства» [16, с. 86].

Растущая универсальность общения и общественных отношений – ближайшая причина всеобщности и универсальности мышления. Если

сущность человека в ее действительности есть «ансамбль» всех общественных отношений и если последние становятся универсальными, то таковой становится и человеческая сущность. Опосредствуя подобные отношения, «мышление носит такой же характер универсальности» (Ф. Энгельс). Такие отношения выдергивают индивидов из ограниченных местных условий, втягивают во всеобщий обмен деятельностью и продуктами мышления, разнообразят потребности и чувства и расширяют горизонт сознания, генерализируют способы мышления.

Содержание психики становится «трансцендентальным», транссубъективным, т. е. организованным *общественно значимыми формами*, которые сложились в крупных по масштабу общностях и отношениях. Такие формы вырастают не из органического тела индивида, а из общего, *общественного тела в виде кооперированной деятельности и общественных отношений*, хотя и при посредстве органического тела и психики индивида.

Масштабность общественных потребностей, реализуемых субъектом, направляет его мышление, внимание и волю на обширные по диапазону связи и отношения. Реализуя общественные функции, субъект воспринимает реальность с позиций общих, общественных потребностей, выходит за рамки своих индивидуальных предпочтений, что служит предпосылкой развития его сознания от *единично-индивидуального* уровня к *особенному, групповому, и всеобщему, родовому*, когда субъект признает себя в своем самосознании представителем человеческого рода, его интересов и продуктивно-творческих сил и поэтому сам дает себе мандат на созидание общеинтересной и полезной новизны.

Узость жизненных условий, как отмечал Ф. Энгельс, порождает «узость кругозора». И, наоборот, у индивида, жизнь которого охватывает обширный круг разнообразной деятельности и различных видов практического отношения к миру, «мышление носит такой же характер универсальности... не затвердевает... в виде абстрактного мышления». Степень универсальности мышления определяет и степень его объективности – умения «видеть несколько дальше своего непосредственного окружения, не упускать из виду общей связи мировых событий и не впасть в ту самодовольную “объективность”, которая не видит дальше собственного носа и именно поэтому является самой узколобой субъективностью, хотя бы она разделялась тысячами таких субъектов» [30, с. 216]. Мировое производство и мировой обмен формируют родовое самосознание, в силу чего человек способен понимать *род* вещей, их закон и сущность.

Западные недруги России всю используют идеальные образы для утверждения себя как референтного (эталонного) сообщества с целью идеологического *подчинения* иных народов и для *принижения* достоинства иных деятелей и государств (будь то ярлыки «империя зла», «страна-изгой» или сатанизация неугодных политических деятелей, отождествление нацизма и сталинизма и т. п.). Современная концептуальная война направлена на демонтаж *идеального*, всей *культуры*. Смысл военных действий – перестроить *значения* в общественном сознании так, чтобы поразить *духовно-нравственный* иммунитет народа. Вначале подвергается эрозии *мировоззрение*, затем – *идеология*, далее – *историческая память* народа, его святыни, затем наступает кропотливая работа по *деаксиологизации* культуры и образования. Вульгарный материализм такой «мягкой силой» противостоять не в состоянии потому, что в его рамках не осознается направляющая и регулятивная функция идеального в общественном жизненном процессе.

Когда деятельностный подход односторонен?

В исследованиях не только по педагогике и образованию, но и в области философии и психологии давно утвердился и ныне особо декларируется «деятельностный подход». Б. Спиноза обратил внимание на значение деятельности для мышления, как это ясно выявил Э. В. Ильенков [10, с. 19–54]. И. Г. Фихте деятельности посвятил свою философию. Гегель довел понимание деятельности до *труда*. К. Маркс принцип труда положил в основу нового миропонимания. Но Маркс не был бы Марксом, если бы он не сделал *решающий шаг*: он *раскрыл значение общественной формы труда*, деятельности вообще. Экономические отношения он представил как *конкретное основание* для определения особенностей общественных формаций.

Деятельностный подход сохраняет свою эвристическую роль, но с уточнением: *деятельность (труд) есть лишь общая основа, а общение, общественные отношения суть конкретное основание* для верного понимания не только жизнедеятельности человека, для воспитания, обучения и развития личности работника, но и для конкретного осознания общества в его истории.

Г. С. Батищев, вдохновенно изложивший принцип деятельности [2], в последние годы своего творчества подверг этот принцип критике [1], настаивая на «глубинном общении». Сущность человека в *ее действительности* есть ансамбль всех «общественных отношений» (К. Маркс). В отрыве

же от форм общения деятельностный подход является *односторонним*, провозирующим на робинзонаду, на внеисторическое понимание человека. Поэтому Э. В. Ильенков неустанно отмечал в своих работах, что речь в них ведется об «общественном человеке», о совместной жизнедеятельности индивидов. Само общество есть люди, взятые в их *взаимных отношениях*.

Общение есть *разновидность социального обмена*. Многократный повтор актов *социального обмена* сообщает становящейся *общественной форме* определенность и устойчивость. Так, с интенсивностью общения развивается и *общая* форма объективации сознания – язык, с развитием обмена между *различными* общинами возникает и *всеобщая* форма продуктов – товарная форма. То, что слово «уже *обобщает*», объяснимо всецело функцией языка – быть средством общения. Язык выражает лишь то, что является общим для общающихся. Иначе он не был бы средством общения именно различных индивидов. Общие, т. е. общественные, отношения принуждают мышление обобщать значения, работать по общим схемам.

В социальном обмене происходит реальное отвлечение от *единичного* и упрочение общей – общественной формы деятельности. Социальный обмен принуждает к сведению различных мер (веса, объема, протяжения, энергии и др.) к *единой* мере. *Как экономический обмен сводит локальные меры стоимости к единой и всеобщей мере, так и духовный обмен принуждает к обобщению частных микросхем мысли до всеобщих и единых мыслительных форм – логических категорий, исполняющих интеллектуально-коммуникативную функцию* – функцию единого связывания и истолкования чувственных восприятий.

Но в отличие от товарообмена в общении осуществляется *обмен содержаниями* человеческой *живой субъективности*: происходят *взаимное дополнение, обогащение и обновление* субъектов общения, осознание родовой природы человека, развернутой в бесконечном вариативном многообразии; приходит понимание того, что ни одна личность не может исчерпать собой полноты всей человеческой субъективности. Такое понимание предохраняет личность от абсолютизации своей позиции по тому или иному вопросу и ориентирует на опыт другой личности как на возможность увидеть мир в *иной* грани, в новом измерении. Опыт других людей превращается в *дополнительные духовные органы* личности.

Педагогическая значимость общения, общественных отношений заключается в том, что в профессиональном образовании доминирует уста-

новка «*работник – техника – профессия*» с ориентацией на формирование *профессиональной* компетентности. Между тем субъект труда за пределами профессии вступает в различные формы общения и общественных отношений, которые оказывают на его личность, сознание более конкретные влияния, определяя те или иные предпочтения в труде, в выборе видов деятельности, нравственной, гражданской позиций. Поэтому целесообразно учитывать связь «*человек – социальный институт – человек*» и на ее основе воспитывать *социальную* компетентность личности [5, с. 3–18]. Профессиональная и социальная формы компетентности, присущие работнику, являются итоговым результатом развития.

Но и *деятельно-коммуникативный* подход тоже является *неполным*, потому что существует неразрывная связка «*деятельность – общение – мышление*» [3, с. 6–101]. Упрощенный материализм не понимает *направляющей и регулятивной* роли мышления (идеального) в функционировании социальных систем, и поэтому он всегда «плетется в хвосте» событий. Уместно напомнить уже процитированные нами суждения К. Маркса о том, что «общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают этой способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей» [22, с. 249] и что «*мое всеобщее сознание* есть лишь *теоретическая форма* того, живой формой чего является *реальная* коллективность, общественная сущность» [23, с. 118].

Мышление *направляет* функционирование всех звеньев социальной системы и является технологически *необходимым регулятивным* фактором в деятельности, общении, общественных отношениях и социальных институтах. В каждой из отраслей существуют соотношения между трудом *живым* и трудом *опредмеченным*, между мышлением *актуальным* и мышлением *объективированным* и *застывшим* в формах схем, технологий, вещей и т. п. Перед каждым работником возникают *проблемы*: или «*адаптироваться*» к объективированным результатам предшественников, или же попытаться *выйти за рамки уже достигнутого наследия, обновить* его, разработать и внедрить более *эффективные* схемы мышления, деятельности и общения, включая *процессы управления*. Эти проблемы сводятся в итоге к *выбору* – предпочесть *исполнительский* (репродуктивный) вид деятельности или же *инновационный* (продуктивный) вид. Такой выбор во многом определяет не только *профессиональный*, но и *жизненный путь* человека, уровень его *притязаний*, степень актуализации его скрытых резервов

и возможностей, *качество* его профессиональной деятельности и полноту самореализации, а в итоге – интеллектуальный и профессиональный уровни, степень *креативного* потенциала страны, *инновационный* или «*догоняющий*» типы ее экономики.

Главное заключается в том, что идеальное, сознание есть самое концентрированное выражение социальности во всеобщей и высшей форме. Идеальное направляет. И этот регулятивный процесс, присущий идеальному, необратим. Цель как закон определяет направленность действий. Э. В. Ильенков призывал юное поколение «*учиться мыслить!*» [12, с. 16–29]. В целом есть основание утверждать преимущество *деятельно-коммуникативно-когнитивного* подхода.

Направляющая и регулятивная функция идеального обязывает систему профессионального образования отказаться от *редукции* образования к набору многочисленных компетенций. Критика «*знаниевого*» подхода бесплодна потому, что умения *теоретически нагружены*, организованы теоретическим мышлением. Следует и *далее развивать* достоинства образования советского периода, его *основательность, последовательность, систематичность и полноту в подготовке специалистов.*

Значимость философского наследия Э. В. Ильенкова для гуманитарного образования

Функция представительства, рождающая феномен идеального, обязывает человека к *предметности мышления*, к воспитанию у молодежи умения *мысленно созерцать* за словами, формулами, концепциями, теориями, ценностями *реальное положение дел, понимать их социальную и личную значимость*. Такое умение предполагает развитое *воображение*, которое, как писал Э. В. Ильенков, возникает и развивается путем усвоения *классического искусства*, особенно, добавим, поэзии. Предметность мышления – это пропуск в науку, необходимая предпосылка успешного усвоения культуры, учебного материала, а также самостоятельности мышления, подлинного *интереса и радости* на пути к истине. Предметное мышление, в свою очередь, предполагает *конкретность* мысли, т. е. умение схватывать за отдельными фактами их причины, намерения людей, связи и взаимодействия отдельного и единичного в составе целого, а за единичным и особенным прозревать всеобщие отношения, которые, как нервные нити, соединяют части в целостность.

В этом состоит главное назначение философии в учебном процессе. Как математика необходима для понимания количественных и формальных соотношений при усвоении естествознания и ряда социально-гуманитарных дисциплин, так и философия необходима для понимания *качественных соотношений в форме понятий* при усвоении всех учебных дисциплин, их теоретического уровня. И лучшим способом развития понятийного мышления является усвоение истории философии в ее классическом содержании. Развитое понятийное мышление – залог успешности обучения. Ибо содержание любой науки составляет понятийное содержание. Каждый человек, независимо от пола и профессии, должен владеть основами гигиены уже потому, что ему присуще тело. Но кроме тела каждый располагает мыслящей душой. И поэтому он также призван овладеть ею, вобрать в себя культуру мышления, развитую в процессе истории.

Чтобы в учебном процессе философия выполняла свое назначение, целесообразно отводить для ее усвоения не 40–60 ч, как это практикуется ныне для бакалавров, а два года. Ведь высшую математику студенты вуза усваивают не 40–60 ч учебного времени. Каждая наука есть система понятий, т. е. применение мышления к различным предметным областям. И воспитать у молодых людей развитое понятийное предметное конкретное мышление можно лишь основательным усвоением умения мыслить в понятиях конкретно и предметно. В таком воспитании состоит необходимый компонент *фундаментализации* образования вообще, а гуманитарного образования в особенности. На Экономическом форуме в Санкт-Петербурге в 2014 г. ректор Московского государственного университета В. Садовничий в дискуссии о современном образовании назвал три его (образования) взаимосвязанные основы – фундаментализация, комплекс наук о человеке и технологии.

Теория Э. В. Ильенкова об идеальном значительно увеличивает диапазон функционирования идеального, которое экстраполируется на весь общественный жизненный процесс людей. Идеальный компонент неотъемлем от технологических, экономических, социальных, политических и духовных процессов в обществе. Поскольку эти процессы содержат в себе идеальное, постольку они предстают перед мыслящим взором как *чувственно-сверхчувственные*, т. е. не только как чувственно воспринимаемые с их внешней стороны, но и как умопостигаемые *с их внутренней, представленной* стороны. К. Маркс поэтому писал о том, что общественные отношения возможны в той мере, в какой люди мыслят. Значимость идеального в соци-

альных процессах побуждает к обновлению философской методологии как в понимании человека и общества, так и в обновлении содержания образования в вузах. Такое обновление возможно на пути не объектной философии (онтологии), а философии *субъектной*, в рамках которой люди, взятые в их взаимных отношениях, берут под свой коллективный контроль свой общественный жизненный процесс и сознательно направляют его на основе идеального. В обновлении философской методологии разумно учесть в полном объеме направляющую и регулятивную функцию идеального, мышления, а в области образования – перейти от игры в формальные компетенции к насыщению учебного процесса теоретически емким интеллектуальным содержанием для того, чтобы выпускники вузов понимали саму специфику сверхприродной социальной реальности, проективную, направляющую и регулятивную функции идеального, мышления; чтобы не превращались лишь в объекты социальных процессов, воздействия разного рода «факторов» («механизмов» и «рычагов» управления анонимных инстанций); чтобы превращали наличные предпосылки своей профессиональной и иной деятельности в органы собственной целенаправленной воли.

Если идеальность есть определенность, свойство культуры, ее измерение, как писал Э. В. Ильенков, то культура есть высшая форма идеальности. Культурно-историческая направленность теории идеального, как и идеи в иных публикациях Э. В. Ильенкова, предохраняют от натурализма и примитивизации в понимании человека, его психики, становления личности и ее способностей. Качественному улучшению гуманитарного образования будет способствовать издание собрания сочинений этого выдающегося философа России и обеспечение ими библиотек вузов.

Теория идеального, разработанная Э. В. Ильенковым, – это революция в философии, обязывающая к качественным преобразованиям не только самой философской методологии XXI в., но и всех гуманитарных и социальных наук; данная теория заслуживает дальнейшей конкретизации в аспекте значимости идеального в общественном жизненном процессе. Тем более что категория идеального в трудах Э. В. Ильенкова неотрывна от *целостного* воссоздания реальности: от *истины, добра и красоты*; в целом – от *совершенных* форм культуры как эталонов человеческой субъективности.

В следующей статье профессора А. А. Хамидова содержится подробный критический анализ полемики о теории идеального в работах Э. В. Ильенкова.

Список литературы

1. *Батищев Г. С.* Введение в диалектику творчества / Г. С. Батищев. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1997. 464 с.
2. *Батищев Г. С.* Деятельностная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии. Москва: Наука, 1969. С. 79–144.
3. *Гончаров С. З.* Логико-категориальное мышление: монография: в 3 частях. Ч. 2. Объективная основа возникновения и развития мысли / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2008. 344 с.
4. *Гончаров С. З.* Логико-категориальное мышление: монография: в 3 частях. Ч. 3. Аксиология мышления / С. З. Гончаров. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011. 609 с.
5. *Гончаров С. З.* Социальная компетентность личности: сущность, структура, критерии и значение / С. З. Гончаров // Образование и наука: известия Уральского отделения Российской академии образования. 2004. № 2 (26). С. 3–18.
6. *Драма советской философии.* Эвальд Васильевич Ильенков: книга-диалог / сост. и ред. В. И. Толстых. Москва: ИФРАН, 1997. 240 с.
7. *Идеальное:* Ильенков и Лифшиц / под ред. Г. В. Лобастова. Москва: Микрон-принт, 2004. 280 с.
8. *Ильенков Э. В.* Диалектика идеального / Э. В. Ильенков // Логос: философско-литературный журнал. 2009. № 1(69). С. 6–62.
9. *Ильенков Э. В.* Диалектика идеального / Э. В. Ильенков // Идеальное: Ильенков и Лифшиц / под ред. проф. Г. В. Лобастова. Москва: Микрон-принт, 2004. С. 3–78.
10. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. Москва: Политиздат, 1974. 271 с.
11. *Ильенков Э. В.* Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике / Э. В. Ильенков; вступ. ст. М. Лифшица. Москва: Искусство, 1984. 349 с.
12. *Ильенков Э. В.* Учиться мыслить! / Э. В. Ильенков // Ильенков Э. В. Истоки мышления. Диалектика идеального. Москва: Либроком, 2010. 208 с.
13. *Кант И.* Критика чистого разума / И. Кант // Кант И. Сочинения: в 6 томах. Москва: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.

14. *Косарева Л. М.* Предмет науки / Л. М. Косарева. Москва: Наука, 1977. 157 с.
15. *Мареев С. Н.* Э. В. Ильенков / С. Н. Мареев. Москва; Ростов-на-Дону: МарТ, 2005. 112 с.
16. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1960. Т. 23. 900 с.
17. *Маркс К.* К критике политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1–167.
18. *Маркс К.* Математические рукописи / К. Маркс. Москва: Наука, 1968. 639 с.
19. *Маркс К.* Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1975. Т. 40. С. 147–233.
20. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. 553 с.
21. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1969. Т. 46, ч. 2. 612 с.
22. *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861–1863 годов / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1973. Т. 47. 657 с.
23. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
24. *Маркс – Энгельсу.* 25 марта 1868 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1964. Т. 32. С. 43–46.
25. *Науменко Л. К.* Монизм как принцип диалектической логики / Л. К. Науменко. Алма-Ата: Наука, 1968. 327 с.
26. *Спиноза Б.* Избранные произведения: в 2 томах / Б. Спиноза. Москва: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 631 с.
27. *Э. В. Ильенков:* личность и творчество / ред.-сост. И. П. Фарман. Москва: Языки русской культуры, 1999. 272 с.
28. *Эвальд Васильевич Ильенков* / под ред В. И. Толстых. Москва: РОССПЕН, 2008. 431 с.

29. *Энгельс Ф.* Диалектика природы / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1961. Т. 20. С. 343–676.

30. *Энгельс – Эдуарду Бернштейну 25, 31 янв. 1882 г.* / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1964. Т. 35. С. 215–219.

УДК 124.43:1(091) (470+571)

А. А. Хамидов

A. A. Khamidov

Проблема идеального и ее решение Э. В. Ильенковым: анализ полемики

The problem of the ideal and its solution by E. V. Ilyenkov: analysis of polemics

Аннотация. Представлены главные положения теории Э. В. Ильенкова об идеальном и критический анализ положений оппонентов Э. В. Ильенкова.

Abstract. The article presents the main points of the concept of the ideal by E. V. Ilyenkov and provides a critical analysis of the propositions of E. V. Ilyenkov's opponents.

Ключевые слова: идеальное, объективные формы существования идеального.

Keywords: the ideal, objective forms of existence of the ideal.

Величайшей и, судя по всему, далеко еще по достоинству не оцененной заслугой Эвальда Васильевича Ильенкова перед мировой философией является то, что он *актуализировал* тему и проблему *идеального* (Ideelle). Впервые, как известно, в эксплицитной форме свои постановку и решение данной проблемы он изложил в мгновенно ставшей знаменитой статье «Идеальное», написанной для второго тома «Философской энциклопедии». Представляется *целесообразным переиздать* статью «Идеальное», поскольку она имеет самостоятельное значение.

В переработанном (частично сокращенном, частично расширенном) виде текст данной статьи вошел в Очерк восьмой («Материалистическое понимание мышления как предмета логики») монографии Э. В. Ильенкова «Диалектическая логика. Очерки истории и теории» [14, с. 184–210]. Данная глава с некоторыми, ничем не объяснимыми и никак *не оговоренными* редакцией и составителями (кто они, неясно) *купюрами* и редакторской